

Гай Юлий Орловский

Риц@рдс

Длинные Руки —
принц короны

Ричард Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

**Ричард Длинные
Руки – принц короны**

«ЭКСМО»

2013

Орловский Г.

Ричард Длинные Руки – принц короны / Г. Орловский —
«Эксмо», 2013 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-63856-7

Суровая северная зима засыпала глубоким снегом королевство Сакрант. Войны утихли до весны, даже до лета, когда не только растает, но и подсохнет. Но это не избавляет принца Ричарда от дежурства в покоях королевы эльфов, сложностей с тремя сестрами-принцессами, плащом Каина, жестокого соперничества с Аскланделлой, дочерью императора Вильгельма... а тут еще Вельзевул, властелин Ада, настойчиво добивается личной встречи с сэром Ричардом!

ISBN 978-5-699-63856-7

© Орловский Г., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – принц короны

Часть первая

Глава 1

Морозец наконец-то выжег сырость, землю сделал твердой, а из тяжелых, словно свинцовых туч пошел снег, сперва хлопьями, потом мелкий, уже точно не растает.

Мир сразу стал просторнее, маслянистая грязь превратилась в каменные надолбы, а те спрятались под белым одеялом. Тучи третий день надвигаются с севера – тяжелые, едва удерживаются, чтобы исполинскую массу снега не обрушить целиком, постанывают от непомерного груза, но стараются донести до цели и распределить все это сверкающее богатство равномерно на большой площади.

На третий день после дерзкого захвата Генгаузгуза густой снег не просто пошел, а повалил, и сэр Альбрехт вздохнул с таким облегчением, словно он не барон Цоллерна и Ротвайля, теперь еще и граф, а простой крестьянин, и озимые погибнут, если снегопад не начнется прежде сильных морозов.

– Теперь никакая армия не подступит...

– Из Зондерсгаузена и Эйтеля уже вышли две, – вежливо напомнил герцог Мидль, – и довольно большие. Тысяч по семь в каждой.

– Подступить легко, – уточнил Альбрехт, – на санях еще проще, чем на колесах... Да только в шатрах на ледяном ветру не поночуешь... если не день-два, а недели. Или месяцы.

Норберт произнес ровным голосом и с самым непроницаемым лицом:

– Сегодня те армии повернули обратно.

– Наверное, – сказал Сулливан саркастически, – им раньше предсказывали, что зимой снега не будет?

– Боюсь, – сказал я, – на всю долгую зиму мы отрезаны от мира.

Альбрехт напомнил:

– Как и Мунтвиг...

– Да, – согласился я, – но у Мунтвига свои проблемы, у нас свои. Боюсь, запасы продовольствия в городе скоро иссякнут, а окрестных сел, как было до нас раньше, для снабжения будет маловато. Готовьте людей, которые установят связи с соседними городами. Торговые!

– А если откажутся?

– Пригрозите участью Вифли, – сказал я жестко.

Альбрехт добавил:

– А в качестве пряника напомните, что остальные города, сдавшиеся его высочеству Ричарду, не были ни в чем ущемлены.

– Верно, – согласился я. – Спасибо, барон.

Я поднялся из-за стола, все умолкли и обратили на меня вопрошающие взоры.

– Вернемся в главный зал, – сказал я. – Народу прибывает, нам нужно быть со всеми любезными, никого не отталкивать.

– Никого? – уточнил Альбрехт.

– Граф, – ответил я строго, – не придирайтесь. Это как правило, но из всякого правила бывают исключения.

Макс, редкий гость на совещаниях и обычно отмалчивающийся, предложил жизнерадостно:

– Пойдемте напрямик?

– Конечно, – ответил я, хотя собирался идти кружным путем по извилистым коридорам, а потом по гирлянде подвесных мостов. – Герои всегда выбирают прямые дороги, а мы кто?

В холле слуги поспешно набросили мне на плечи роскошную шубу, стражи так же быстро и с готовностью распахнули двери в заснеженный мир.

Широкое крыльцо уже вычищено от снега, даже прокопана узкая дорожка до конюшни, но двор весь покрыт этим чистейшим великолепием, уже скрывшим грязь и продолжающим щедро сыпаться из низких туч мелкими и частыми крупинками.

Главное здание дворца наискось через двор; я сразу провалился до колен в эту хрустящую чистоту. Пришлось идти, заматавая свой же след, как лиса хвостом, лапами роскошной шубы, а следом двинулись, весело поругивая погоду и ленивых слуг, мои полководцы.

В холле нас встретили испуганно – не ждали со стороны двора, а мы, оставив шубы, пошли в центральный зал, что отделан с невероятной для севера роскошью: стены сплошь закрыты коврами и гобеленами, пол в плитах из зеленого с прожилками малахита, явно рядом богатые месторождения, с потолка в ряд свисают четыре люстры из зеленовато-желтой меди, свечи горят ярко и жарко, а на столе, длиной примерно в пять ярдов, посредине изящно выполненные светильники из серебра, изображающие драконов с разинутыми кверху пастьми, куда вставляют свечи.

Вообще-то дворец разукрашен и расщечен по моему приказу. Даже днем в залах, где из-за узких окон мало света, теперь горят все люстры, создавая праздничное настроение.

С поперечных балок и с перил балконов гордо свисают багровые, алые и пурпурные полотнища, почти все с различными гербами, украшенные золотым шитьем, оскаленными мордами лютых зверей, – хотя бы один изобразил зайчика.

Слуги в праздничном, в холле пятеро музыкантов старательно тянут натушно веселую мелодию. Народу прибавляется, но пока что ни один из местных лордов не поспешил ко мне с присягой верности, все присматриваются, жарко обсуждают друг с другом случившееся и строят всякие планы.

Понятно, еще больше лордов собирается по замкам, где ловят слухи и стовариваются действовать совместно против захватчиков, как только определят как.

Мои лорды топают за мной гурьбой, готовы защитить сзади и с боков, а впереди, у трона, стоят в ожидании телохранители, отобранные Зигфридом и проверенные Скарлет.

– Лорды, – сказал я приподнятым голосом, – развлекайтесь и развлекайте гостей. Помните, пир бывает продолжением успешной войны. Мы должны побеждать не только в битвах!... А вас, граф, прошу за мной.

Альбрехт подчеркнуто горестно вздохнул, остальные жизнерадостно заржали, а мы с Альбрехтом быстро прошли через дверь, расположенную справа от королевского трона, а там уже через две двери мой кабинет, где совсем недавно принимал решение король Сакранта Леопольд Кронекер.

Слуги почтительно распахнули перед нами обе створки, я вошел по-хозяйски, нельзя подавать виду, что малость мандражирую, это моментально ослабит не только меня, но и всю нашу армию, – со вздохом облегчения развалился в кресле за королевским столом и указал Альбрехту место в таком же роскошном и с позолоченной спинкой слева от стола.

– Присядьте, граф.

Он опустился с осторожностью, не отрывая от моего лица настороженного взгляда.

– Ваше высочество?

– Сэр Альбрехт, – сказал я официальным тоном, – назначаю вас вице-регентом по делам королевства Сакрант.

Он вскочил, поклонился.

– Ваше высочество, благодарю за честь, вы так ошеломительно щедры, что даже и не знаю, куда бежать и где прятаться... но вице-регент... это что?

– Это все, – сказал я с подчеркнутым злорадством, – все, дорогой друг! Теперь буду ехидничать я. Особенно когда расплатесь, что ничего не получается, – такое будет, будет! Набирайте штат, привлекайте местных, знающих специфику... Хотя какая тут специфика? Хватай и грабь... Нет-нет, это не указание, а как бы шутка. Вы как вице-регент, так сразу и шутить разучились? Или только над другими можно?..

Он пробормотал:

– А не слишком ли велика для меня... гм... честь?

Я перекрестился.

– Все мы несем ношу, возложенную Господом. Считайте, это Господь вас нагрузил как ослика, что порой несет больше, чем лошадь.

Он пропустил намек на его малый по сравнению с моим рост, хотя это получилось нечаянно, полюбопытствовал:

– Вы уже Господь?

– Господь ничего не делает сам, – пояснил я, – а только через его поверенных в делах. Так что, граф, не брыкайтесь.

Судя по его виду, побрыкаться очень хотелось, но вздохнул и поинтересовался кротко:

– А какие главные требования?

– Граф, – напомнил я, – вы же не только рыцарь, но и умелый хозяйственник. И даже кадровик! Вон за Норберта каждый день вас вспоминаю...

– То-то меня икотка душит...

– По-хорошему вспоминаю, – сказал я строго. – Представьте себе, что это ваша земля... ну, что ваши Цоллерн и Ротвайль несколько расширились. Но порядок нужно навести и в расширенности, и в дальнейшей расширяемости. И чтоб все работало. Для нас это жизненно важно, ибо мы сейчас не волки в овечьей стае, а пастухи, что хоть и режут отдельных незнатных овец пожирнее, но за остальными следят и ухаживают, отращивая где мясо, где шерсть.

– Гм, – сказал он задумчиво, – а нельзя ли учредить должность двух вице-регентов?..

– Зачем?

– Я буду резать, – пояснил он, – а другой кормить и ухаживать.

– Нет уж, – сказал я, – такое должно быть в одних руках. Сами понимаете почему.

Он понимал, судя по мрачному лицу, сказал с тяжелым вздохом:

– Хорошо, переговорю с Рэджилом Роденберри, так зовут городского старшину? Он показался вменяемым человеком.

– Правильный выбор, – сказал я с одобрением.

– Считаете? – ответил он. – Или сбиваете с толку? Если дать больше власти... скажем, как в наших городах, этот Роденберри землю будет рыть копытами и рылом.

– Да и другим цехам, – подсказал я, – больше прав, самоуправления, право на герб...

– Не сбивайте, – огрызнулся он. – А то у вас такой вид, что сразу хочется сделать наоборот.

– Вы тоже, – проговорил я важно, – в правильном направлении роете, граф. Уж и не знаю чем.

В кабинет заглянул Зигфрид, лицо хмурое и настороженное.

– Ваше высочество, к вам гости.

– Кто? – спросил я.

– Местные лорды, – доложил он.

– Где они?

– Я их отвел в малый зал тут рядом, – сообщил он. – Там хорошая охрана, если где что пойдет не так.

Альбрехт заметил обеспокоенно:

– Не совсем же они дураки; хотя почему нет? Дураков все-таки на свете больше. Ваше высочество, я все понял, ухожу осличать.

Зигфрид проводил его непонимающим взглядом. Я сказал нетерпеливо:

– Хорошо, пойдем. Не будем заставлять ждать, выкажем уважение.

Во всем дворце залы огромные, неуютные, я то и дело замечаю, как от стен дует холодным ветерком через неплотно подогнанные гранитные глыбы. Где-то из щелей выпал мох, которым прокладывают на стыках, и теперь только гобелены спасают от кинжальных сквозняков давно уже не летнего воздуха, но не могут перекрыть ему дорогу в залы вообще.

Все эти дни я даже завтракал в королевских покоях, что не совсем по этикету, а вообще-то это полагается делать вот в этом зале, длинном, унылом и рассчитанном на целый полк.

В малом зале, что даже не зал, а большая уютная комната, в огромном камине полыхают толстые березовые поленья, несет приятным сухим жаром.

Трое дородных мужчин повернулись в мою сторону, но я шагнул к камину, теплый воздух коснулся лица, и я с наслаждением протянул к огню озябшие руки.

Зигфрид придвинул мне кресло, поклонился и вышел. Я молча сел, а ноги в сапогах опустил на каминную решетку из темного и почти обуглившегося от жара металла, но затем убоился за их сохранность и убрал.

В комнату вошел Норберт, поклонился и застыл у двери, дескать, сегодня его почетная очередь из наиболее знатных лордов прислуживать за столом обожаемому сюзерену.

Я повернулся вместе с креслом в сторону гостей, все трое ждут молча и терпеливо. Я окинул их внимательным и хозяйским взглядом, проговорил приветливым голосом всемогущего лорда, строгого, но доброжелательного:

– Садитесь, господа, вон там кресла. Кто вы и что вы?

Все трое очень немолодые, уверенные настолько, что я нарочито продемонстрировал свою власть и напомнил себе, что надо не забыть еще пару раз в беседе дать понять, что здесь хозяин я, а не они, хотя мы и в Генгаузгузе, самом центре королевства Сакрант.

Первый произнес с едва заметным поклоном:

– Вильдграф Вильдан Зальм-Грумбах, лорд земель Ирмии и Нирда, куда входят города Зальм-Кирбург и Зальм-Даун.

Норберт с самым почтительным видом приблизился ко мне – короля играет свита – и сказал тихонько:

– Это справа от Генгаузгуза.

Ясно, сказал я себе, что не бургомистр, туда выбиваются из простого народа, а от этого веет вереницей предков, что сражались и погибали в боях, защищая или завоеывая, и редко доживали до старости. Породистый во всех смыслах, что значит при нем и рост, и размах плеч, и несокрушимое здоровье, что позволяет легко переносить тяготы воинской жизни в любом возрасте.

Вильдграф отступил, все такой же ровный, невозмутимый, но без излишней надменности, сел в центральное из указанных кресел, подчеркнув свою главную роль в их тройке.

Второй, похожий на быка в камзоле, сказал густым голосом:

– Маркграф Джонатан Берген. Лорд земель Изенбурга и Бириштайна. Также и Хорна, но это далековато и можно во внимание не принимать.

Я промолчал; если можно не принимать, то можно было и не упоминать, но раз упомянул, то в тех землях явно нечто особенное, придающие ему добавочный вес и уважение.

Он сел, тоже из породы тех, кто мечом и напором создает свои империи, пусть и крохотные, продолжая дела предков, ростом уступает вильдграфу, зато в плечах ширина необыкновенная, массивен, а голова громадная, как пивной котел.

Третий сказал вежливо:

– Барон Герберт Оберштайн. Мои земли от Генгезгауза слева, в них входят города Фирнебург, Изендорф и Шайдвилд, под стенами которых ваши люди уже побывали.

Этот моложе остальных, но тоже из тех, кто мечом раздвигает пределы, его не спутаешь со старшиной города или главой гильдии, хотя те могут быть богаче.

Норберт произнес негромко, но так, чтобы его услышали и гости:

– Ваше высочество, под стенами всех остальных городов появлялись только конные разъезды. Думаю, сакрантцам не стоит подавать дело так, что ваши войска пытались взять эти города штурмом, а они героически отбились от превосходящих сил.

Молодец Норберт, мелькнула мысль, следит за высказываниями и вовремя замечает, когда кто-то пытается упрочить положение, принижая наше. А еще умеет и язвить. Это не в его натуре, но общение с Альбрехтом сказывается.

Я сказал бодро:

– Что ж, а кто я, уже знаете. Мы все люди военные, потому не будем терять времени. С чем прибыли, господа?

Глава 2

Норберт поставил на стол четыре фужера из тончайшего стекла, настолько прозрачного, что в таких видно только вино, как будто стекло вообще исчезает, меня распирает гордыня от осознания, что могу создавать для бахвальства такие штуки.

Я сказал так же бодро:

– Лорды, давайте пересядем к столу и обсудим наши проблемы. Прошу вас!

Они так же молча пересели на ту сторону, и потому что все сакрантцы, и потому что у них общая позиция, а еще и затем, чтобы между нами оставалась широкая столешница, через которую до меня труднее дотянуться.

Норберт, расставив фужеры перед гостями и своим сюзереном, взял серебряный кувшин и бросил в мою сторону быстрый взгляд. Я чуть наклонил голову, он поднес кувшин к фужеру вильдграфа Зальц-Грумбах.

Из изящно загнутого носика полилось горячее вино солнечного спектра, и снова я невольно подумал, что стекло слишком хрупкое, может лопнуть в грубых лапах этих лордов, чьи пальцы привыкли сжимать рифленые рукояти тяжелых мечей.

Вильдграф с недоверием посмотрел на легкий парок над фужером, перевел взгляд, полный подозрения, на меня...

– Подогретое вино?

– Глентвейн, – объяснил я. – Наш национальный напиток на Юге. Зимой, да еще в такой снегопад... вам понравится.

Он осторожно отхлебнул, прислушался к ощущениям, сделал еще глоток и задержал во рту, стараясь понять странные и неведомые ощущения.

– Что за добавки?

Я отмахнулся.

– Знаю только, что корица, гвоздика, лимонная корка, мед, черный перец, душистый перец, еще какая-то хрень, это дело поваров и виноделов, а я... ха-ха!.. усердный потребитель.

Маркграф Берген, глядя на соратника, сделал глоток побольше, застыл, стараясь справиться с неведомым и не подать виду, что огорочен. Ему из того же кувшина фужер наполнился горячим грогом, но я не стал разбавлять ром наполовину горячей водой, как требует рецептура, а просто добавил корицу, гвоздику, имбирь и лимон, а также сахар, что в такую холодную погоду для организма как спасательный круг, брошенный утопающему в море.

Норберт медленно перешел на сторону барона Оберштайна и задержал пустой кувшин над его фужером. Я чуть прикрыл глаза, подавая знак, дескать, я готов. Норберт наклонил изящный носик над краем тончайшего стекла.

На этот раз струйка вина выглядит темно-коричневой, насыщенной, плотной, хотя это всего лишь коньяк, правда очень старый, коллекционный. К счастью, мой метаболизм не только ускоряет заживление ран, но еще и бережет от простуд и опьянения. Коньяк, которым я наполнил два фужера, барону и себе, для меня всего лишь эссенция виноградного сока, и, кроме жгучего вкуса, ничего с тем прежним коньяком общего.

Барон сделал большой глоток, задохнулся, лицо побагровело, едва-едва не закашлялся, глаза полезли на лоб, но справился, начал отхлебывать мелкими глотками.

Напряженное лицо расслабилось, наконец он проговорил с непонятным выражением:

– А это вино не подогревали, как вижу, однако в моих внутренностях теперь бушует пламя... Нет-нет, приятное такое пламя. Согревающее. Как вы это делаете?

Я небрежно отмахнулся.

– А это все Юг, там много всякого... ну, делающего нашу суровую жизнь чуточку приятнее.

Он чуть усмехнулся, но глаза оставались настороженными.

– Да, но... из одного кувшина разные вина?

– Такие кувшины стоят дорого, – согласился я. – И продаются только на самых больших базарах. Где появляются покупатели с немалыми деньгами... Так о чем вы пришли поговорить?

Вильдграф сделал большой глоток и, не выпуская из руки фужера, где на дне остается еще около трети глинтвейна, произнес намного более деловым голосом:

– Мы прибыли поговорить о взаимоотношениях. Сразу хочу предупредить, мы остаемся лояльными императору Мунтвигу! Это обсуждению и пересмотру не подлежит. Однако мы хотим избежать неизбежных разрушений, грабежей, бесчинств и убийств...

Он запнулся, посмотрел на меня настороженно: не слишком ли много вывалил сразу.

Я кивнул.

– Продолжайте. Я тоже хочу избежать грабежей. Армия, которая начинает бесчинствовать, теряет управление. Это не в моих интересах.

Он посмотрел на своих за поддержкой, снова обратил взор на меня.

– В Генгаузгузе, – сказал он чуть увереннее, – несмотря на огромные запасы зерна, все же недостаточно продовольствия, чтобы кормить вашу армию всю зиму, а потом еще и весну. Ваши войска вынуждены будут разбрестись по окрестностям, что нежелательно как для вас, так и для нас...

– Вы сформулировали все очень четко, – ответил я. – Что вы предлагаете?

Он чуть смешался, явно готовился подходить к этому вопросу долго и осторожно.

– Мне трудно, – сказал он откровенно, – что-то предлагать, так как я, вы верно сказали, человек войны. Но мои управители в один голос вопят, что нужно на каких-то условиях посылать вам продовольствие, чтобы избежать неизбежных грабежей.

Барон Оберштайн вставил осторожно:

– Мы, как вы понимаете, в состоянии запереться за крепкими стенами и держать оборону. Однако, как рыцари и христиане, мы обязаны защитить все наши села и деревни, а также мелкие города, которые огорожены лишь простым частоколом для защиты от волков, лис и мелких грабителей.

Маркграф вставил с пылом:

– Если бы мы могли пойти в бой и погибнуть, но спасти наших подданных, мы бы это сделали!..

– Но это была бы бесполезная жертва, – сказал я с сочувствием. – Согласен, ситуация неважная. Мы все за этим столом – люди войны и стремимся к жарким сражениям, подвигам, блеску мечей, грохоту топоров по щитам и шлемам противника, крикам трупов и ручьям горячей хлюпающей крови под нашими подошвами. Желательно, чтобы по колено. По колено в крови – это звучит и наполняет гордостью! Однако все мы – рыцари, а это значит, как вы правильно только что сказали, красиво и возвышенно, мы должны защищать тех, кто сам защитить себя не в силах. Потому я готов к такому сдержанному сотрудничеству, которое не умаляет ни моей, ни вашей чести, а также не задевает достоинства, а служит только спасению тех, кого мы обязаны защищать.

Вильдграф Зальц-Грумбах перевел дыхание, вытер вспотевший лоб. Я повел бровью в сторону Норберта, тот молча наклонил над его фужером носик кувшина.

На этот раз я наполнил доверху коллекционным коньяком. Вильдграф сграбастал фужер в широкую ладонь и одним глотком отправил в рот, закашлялся, глаза полезли на лоб.

Барон, что сразу понял по цвету, что его старшему соратнику наливают то же самое, что и ему, наблюдал с некоторым злорадством и одновременно сочувствием.

Отвлекая внимание от кашляющего и фыркающего вильдграфа, он проговорил сдержанно-деловито:

– В какой форме это можно устроить?

– Вариантов много, – ответил я, – но не лучше ли оставить самый простой? Который никого не задевает и ни на кого не бросает тень?.. Крестьяне будут привозить в город продукты, как и привозили. А мы будем платить по тем же ценам, что были здесь до нашего... появления. Таким образом снимутся многие неудобные вопросы. Разумеется, никакого насилия над крестьянами чиниться не будет, это не в наших интересах. Пусть война идет между армиями, не задевая тех, кто эти армии кормит и одевает.

Вильдграф заметил осторожно:

– Это приемлемый вариант...

– На данном этапе, – добавил я, помогая ему, – на данном этапе. А что будет потом, оставим будущему. Сейчас же вы и мы, как вы заметили исключительно верно, заинтересованы в зимнем перемирии.

Норберт снова неспешно, давая мне время сосредоточиться, наполнил их фужеры, сам не зная, что наливает, а я сосредоточенно создавал ром, джин и виски.

Маркграф Берген, которому достался старый выдержанный джин, сперва понюхал, поинтересовался с видом знатока:

– Вино из можжевельника? Удивительно...

Я улыбнулся.

– Да там много чего намешано. Вкус на любителя, но в такую погоду нужно что-то крепкое.

Он отпил, прислушался, невольно заулыбался.

– Чудесный вкус... Я велю управителю пополнить запасы моего винного погреба этим чудесным... как он называется?

– Джин, – ответил я. – А вы, господа, наверняка желаете добавить в свои коллекции ром и коньяк?

В залах главного здания на втором, третьем и последнем, четвертом этаже везде полумрак, в металлических держаках, приклепанных к стенам, торчат наготове факелы, а свечи, как я понял, – это уже шик, они только в главном зале, а также в тронном и королевском кабинете.

Альбрехт, что исходил здесь в первый же день все вдоль и поперек, не выпуская из руки обнаженного меча, сказал самодовольно:

– Вся наша Армландия выглядела бы здесь как лучший из залов королевского дворца!

– Зато здесь люди мужественные, – заметил я.

Он посмотрел на меня с укором.

– А в Армландии?

– В Армландии тоже, – согласился я. – Вообще Армландии повезло. Люди в ней по-северному отважны, честны и благородны, однако из-Сен-Мари через перевалы проникло достаточно всякого, чтобы Армландия почти не отставала от нее по уровню культуры, но не разнежилась до такого состояния, как рыцарство Сен-Мари.

– Да, – согласился он, – мы взяли Сен-Мари с легкостью, хотя там доспехи и оружие намного лучше нашего. Надеюсь, здесь с нами такого не случится.

– Не случится, – заверил я. – Культурные люди умеют воевать не хуже дикарей, а то и лучше. Мы это уже показали.

Он церемонно поклонился.

– Ваше высочество, как я понял, вас вон там на террасе дожидается этот, как его... оруженосец Зигфрида.

– Скарлет, – сказал я. – Не прикидывайтесь, что ничего о ней не знаете.

– Ах да, – сказал он и хлопнул себя по лбу. – Скарлет! А я уже и забыл, что это за странный оруженосец. Я всегда забываю такие вещи, ваше высочество.

– За это я вас тоже люблю, граф, – сказал я.

Терраса завалена снегом, слуг не хватает даже для работы на кухне, и Скарлет стоит в этом сверкающем на солнце крошечном почти по колено и, склонившись над парапетом, рассматривает двор внизу.

Вообще-то она всюду старается держаться в тени, я даже не замечаю ее присутствия, не то что шумного и размашистого Зигфрида, однако сейчас вот увидел ее во всем блеске изящного оруженосца благородной крови, то есть в великолепнейшей блестящей кольчуге, что укрывает капюшоном голову, защищает плечи, спину и грудь, руки прячет по самые запястья, а от пояса опускается до колен, а также в новеньких брюках из тонко выделанной кожи и дивно изящных сапожках на едва заметных каблучках.

– Скарлет, – сказал я с удовольствием, – прекрасно смотришься.

Она в нерешительности поклонилась. Это получилось несколько неуклюже, все-таки женщинам это несвойственно, их с детства учат красиво приседать, придерживая с боков края платья сорока различными способами, то растягивая, то приподнимая, оттопыривая то по три пальца с каждой стороны, то лишь грациозно мизинчики, а голову то скромно и стыдливо вниз, то, напротив, запрокидывая и глядя в глаза сюзерену открыто зовущим взглядом готовой к случке самки.

– Спасибо, ваше высочество...

– Говори, – велел я.

Она округлила глаза.

– Ваше высочество?

– Ты что-то хотела сказать, – пояснил я нетерпеливо. – Иначе продолжала бы прятаться.

Она повела взглядом в сторону двери моего кабинета. Я понял, сам распахнул для нее, пропустил вперед и плотно закрыл за собой. Скарлет прошла от двери подальше, повернулась ко мне, лицо бледное, глаза начали трагически расширяться.

Я сказал дружелюбно:

– Скарлет, можешь обращаться первой. Ты не придворная, а на службе. К тому же мы не на парадном приеме, а ты не дама в вот таком платье... хотя и с вот такими.

Она попыталась улыбнуться, но губы так и не сумели потянуться в сторону. Напротив, лицо словно сковало льдом, а страх в глазах стал заметнее.

– Ваше высочество...

– Говори, – подтолкнул я. – Ты чего-то боишься?.. Может быть, сидешь?

Она вздрогнула, судорожно покачала головой из стороны в стороны.

– Н-нет, такое нужно говорить стоя.

– Ты все-таки боишься, – повторил я. – Явно не мечей и стрел... Магии? Кому угрожает? Тебе или Зигфриду?.. Судя по твоему страху, Зигфриду. Вы настоящая пара, редко я видел такую преданность со стороны женщины.

Она покачала головой.

– Не Зигфриду.

– А кому?

– Вам, ваше высочество.

Голос ее прозвучал уже тверже, а взгляд на этот раз прям как туго натянутая тетива. И даже бледность покинула губы, оставшись только на щеках.

– Мне угрожают все время, – ответил я, стараясь, чтобы голос звучал легко, хотя по телу пробежал холодок. – Такая у меня на земле должность! Что-то конкретное?

Она кивнула.

– Да, ваше высочество.

– Говори, – сказал я тише. – Я никому не скажу, разрази меня Господь, как он же когда-то черепаху.

Она сказала шепотом:

– Даже Зигфриду?

– Да, – ответил я. – Даже Зигфриду.

Она огляделась, приблизила ко мне голову, голос ее стал едва слышным:

– Некто... с Той стороны ищет встречи с вами.

– С той, – переспросил я так же тихо, – это какой?.. Со стороны Мунтвига? Это же прекрасно, я предвидел раскол и шатания в их некогда сплоченных рядах.

Она покачала головой.

– Ваше высочество, все гораздо серьезнее. И страшнее.

Я спросил настороженно:

– Тогда кто?.. Маги?.. Те, кто служит Злу?

Она тяжело вздохнула и произнесла так, словно бросилась в ледяную воду с плавающей там снежной крошкой:

– Со стороны противников... самого Господа.

Я вздрогнул, по телу пробежал сильнейший озноб. Кровь отлила от щек, я это ощутил, а ногам стало холодно.

– Значит, ты...

Она прошептала со слезами на глазах:

– Нет! Я не служу Злу... И никогда не служила. Даже магия моя древняя, дохристианская.

– Тогда почему?

Она опустила голову и сказала в пол:

– Однажды... только однажды... я освоила одно заклинание, его называют сатанинским, ибо оно уже от новых черных, которые появились во времена Христа и вели с ним борьбу... Но как мне было иначе? Мой маг-мучитель знал все старые заветы, я могла освободиться только чем-то новым!.. Но я с тех пор, как мой побег удался, никогда больше, клянусь...

Я кивнул, сказал трезво:

– Понятно, одна ниточка есть для связи, для них этого достаточно, чтобы... ну, не руководить тобой, а передать ту весть, которую сами передать не могут. Так?

Она сказала с благодарностью:

– Вы очень хорошо все объяснили!

– Работа такая, – пробормотал я, – все объяснять и формулировать, вот такой я формуляр... или формулятор. Что они хотят?

– Встречи, – прошептала она, плечи передернулись, сказала так же тихо: – Умоляю, не ходите!.. Это опасно.

– Выманивают, – спросил я, – чтобы убить?.. Ты что-то почуяла?

Она сказала с неуверенностью:

– Нет. Напротив, меня уверили, что ничего злого не замышляют. И что вы уйдете обратно целым и невредимым.

Я пожал плечами.

– Ну, силам Зла соврать, что сплунуть. С другой стороны, в некоторых оговоренных случаях слово держать надо, ибо недержание... или несдержанье?.. навредит и тому, кто дает слово. Что сказали конкретно?

– Встреча, – ответила она покорно, – может состояться в полночь или чуть позже, в эту или следующую, на Проклятом Болоте. Это совсем близко от Генгаузгуза, две мили налево по северной дороге. Простите, ваше высочество, но в замок или во дворец они не могут... И вообще в те места, где прошли священники, освящая землю.

– Странно, – проговорил я мрачно. – И подозрительно. Скажу только тебе, иногда меня посещает сам Сатана. И ничего! Поговорим и расходимся.

Она вздрогнула, посмотрела расширенными в ужасе глазами.

– Сам Князь Тьмы?..

Я кивнул.

– Да. В любом месте.

Она с трудом перевела дух.

– Ну, это же сам Князь... к тому же приходит не сам, а по вашему вызову. Это только слабые и лживые люди говорят, что Сатана приходит незваным и совращает! Врут, оправдывая свою слабость и ничтожество. Господь не зря дал человеку свободу выбора, и кто не хочет быть совращенным, тот не совратится.

– Погоди, – прервал я. – Раз этот некто не может прийти сюда, как это делает Сатана, он по рангу ниже?

Она вздрогнула.

– Да... Но Сатана, как понимаю, это верховный руководитель, который сам не пытается, не убивает... Ваше высочество, я уже вижу по вашему лицу, что поедете. Умоляю не делать этого! А если поедете, запаситесь всем-всем против сил Зла!

– Против такого Зла, – ответил я медленно, – защитой может быть только одно... Хорошо, сегодня же узнаю, чего от меня хотят в аду.

Глава 3

Она выскользнула за дверь, а я продолжал напряженно разматывать предыдущую мысль насчет того, что встречной дерзкой акцией мы, похоже, остановили натиск Мунтвига. Сейчас он, судя по всему, либо в одной из своих армий, либо где-то собирает новую рать. Однако, несомненно, удар мы ему нанесли если не сокрушительный, то сотрясающий.

Вся его империя содрогнулась, а любители пограбить чужие королевства с ужасом только сейчас начинают соображать, что жертвы почему-то обиделись и сами пришли грабить, а также мстить за обиды и попранное достоинство.

В идеале отыскать бы Мунтвига и покончить с ним одним ударом. И неважно, сколько у него осталось жизней, все осуществимо. Главное, тогда распадется огромная империя, каждое королевство поспешит укреплять кордоны и свою власть, начнут грызться друг с другом, а это то замечательное время, когда приходи и бери их голыми руками.

Сегодня, на третий день с момента захвата Генгаузгуза, впервые организовали совместный пир всех глав похода, а также его участников. И хотя напряжение все еще присутствует не только в городе, но и во дворце, который защищают лучшие воины Макса, однако просто необходимо провести такую показательную акцию для всего Генгаузгуза: захватчики пируют в королевском дворце и уходить не собираются.

Норберт на всякий случай и последних слуг из числа местных услал обслуживать народ в других зданиях дворца, велел перекрыть для них обратно все висячие мостики и переходы, а здесь их обязанности на себя временно приняли ратники Макса, пусть неуклюжие в обслуге, зато свои.

Чтобы поразить местных размахом и щедростью, красным бархатом и прочей тканью красного и алого цвета устлали все лестницы, крыльцо и даже обширный двор перед королевским дворцом. Свечи зажглись везде, где их только можно было приткнуть, так что все залы оказались залиты радостным огнем, словно в летнее солнечное утро.

Везде, куда ни оглянись, взор натывается на золотую и серебряную утварь, на изящные статуи, вывоченные из тайников и выставленные напоказ, на столы и столики из редких пород дерева, и вообще те сокровища, которые Леопольд хранил в казне, а я велел вынести и расставить как в главном зале для пиршеств, так и по дороге к нему.

Я оглядел зал быстро и внимательно, все вроде бы в порядке, за моим столом герцоги Мидль, Клемент, Сулливан, графы Альбрехт и Макс, барон Дарабос... не видно только епископа Геллерия. Как духовному лицу, ему полагается сидеть рядом с правителем светским, однако он предпочел уйти в соседний зал, где накрыты столы для благородных рыцарей ниже рангом, а то и еще дальше, где точно так же веселятся простые конные воины и ратники Макса.

Длинный стол для верховных лордов на небольшом возвышении, остальные уходят от него двумя рядами, покрыты такими же празднично-красными скатертями. Единственное отличие, кроме возвышения, – за нашим столом два кресла отличаются от остальных высокими спинками, что превращает их в троны, на которых обычно сидели король Леопольд и его супруга.

На пирах всегда возникает тайное соперничество, кому где сидеть, потому и установлена строгая иерархия, и хотя я предпочел бы рядом посадить Альбрехта, но место справа принадлежит одному из герцогов, а кому, нужно решить побыстрее, пока они еще не явились... В проеме распахнутой двери, где постоянная теснота из-за шмыгающих взад-вперед гостей, внезапно стало чисто, свободно, затем появились в почтительной тишине принц Сандорин, церемонно поддерживающий под локоть принцессу Аскланделлу.

Именно сопровождающий, а не ведущий; ни у кого, уверен, не возникает сомнения, что дочь императора идет сама по своей воле, а весь мир прогибается под ее воздушно-чугунной поступью.

Все мои суставы протестующе закрипели, когда я заставлял себя подняться навстречу, а потом еще и поклонился.

– Ваше высочество...

Она приветствовала меня едва заметным наклоном головы. Сандорину я кивнул, как приятелю.

– Принц, садитесь без церемоний и хватайте, до чего дотянетесь. Как понимаете, вам уже не могу уделить внимание.

Принцесса величественно опустилась в соседнее со мной кресло с высокой спинкой, на котором раньше сидела королева Сакранта. Я перехватил с дальнего конца стола прицельный взгляд Альбрехта, он прищурился и приподнял кулак с бодро оттопыренным кверху большим пальцем.

Я зло сжал челюсти. Со стороны это в самом деле выглядит, как будто на троне король с королевой. Может быть, Аскланделла даже больше королева, чем я король... а что там может быть, точно королева и даже императрица, а я всего лишь полевой вождь, Чингисхан, Аттила, захвативший трон...

Похоже, она в самом деле уверена, что оказывает этим мне великое одолжение, так как по титулу в главном кресле должна сидеть она.

Я сказал очень любезно:

– Вашему высочеству удобно в предоставленных вам покоях?

– Спасибо, принц, – ответила она ровным голосом. – Весьма мило, что вы о такой мелочи вспомнили.

– Какая мелочь, – ответил я еще любезнее, – у вас есть и рост, и плечи, и... все остальное. Совсем не мелкое. А как общее впечатление от Генгаузгуза? Вы в нем уже бывали?

Она как будто и не услышала вопрос, проговорила тем же церемонным, как надлежит разговаривать венценосным особам, голосом, но и в то же время как бы легко, мы же не на приеме, а за пиршественным столом:

– Должна заметить, ваше оружие и доспехи превосходят по качеству изделия мастеров северных стран.

Я милостиво наклонил голову.

– Это точно, ваше императорское.

Она добавила небесно кротко:

– Что, без всякого сомнения, говорит о вашей трусости и желании скрыть недостаток силы и мужества за прочными доспехами.

Я чуть не подавился куском мяса, с трудом проглотил и прохрипел сдавленным голосом:

– Вы правы, ваше высочество. Мы предпочитаем, чтобы красиво и гордо гибли в сражениях наши противники, а мы с победой возвращались к своим женщинам. Можно даже с головами врагов, мы же варвары, нам все можно!.. Вам положить вот эту птичку?

Она поморщилась.

– Нет, положите вон ту.

– Хорошо, – проговорил я сквозь зубы, она ж должна была отказаться, – сейчас положу... Ух, какая здоровенная! И вы такую слопаete в одиночку? Это же целый лебедь! У вас прекрасный аппетит.

– У вас что-то со зрением, – произнесла она с сочувствием. – Это скворец. Ваше высочество, сражаться в таких доспехах против тех, у кого только мужество и мечи из сырой стали... не совсем достойно.

Я поинтересовался:

– Ваше высочество, а если бы доспехи такой выделки привезли в армию Мунтвига или вашего батюшки... вы уверены, что там бы отказались? Чтобы героичнее совершать безумные подвиги?

Она проигнорировала мой недостойный выпад и занялась жареной птичкой, что хоть и не лебедь, но и не скворец, а по размерам больше похожа на вальдшнепа.

Говор за столами быстро стал похож на грохот морского прибоя. Я улавливал отрывки разговоров о Мунтвиге, Вильгельме, оставленных королевствах Варт Генца, Бриттии, Мезии, кто-то упомянул Сен-Мари, меня как иголкой ткнули прямо в сердце, а еще многие горячо обсуждают варианты будущих осад столицы и какие у нас шансы выстоять.

В зал вкатывали бочонки с вином, а разливали большими ковшами в кубки и чаши. Перед Аскланделлой поставили было кубок из чистого золота, я кивнул слуге, тот моментально примчался с фужером из тончайшего стекла, на которое дажедохнуть страшно, и поставил перед нею.

Она посмотрела с любопытством.

– Ваше высочество?

– Золото идетцвету ваших волос, – ответил я, – но кубок из золота тяжеловат для женской руки. Потому из золотого буду пить я, выказывая мощь моей длани, а вы из этого вот...

Она произнесла в сомнении:

– А не будет ли урона моей чести?

– В чем? – спросил я удивленно.

– Это сотворено не руками человека, – заявила она.

– Но не в аду же, – оскорбленно сказал я. – Там все грубо, уж поверьте!

Она произнесла медленно:

– Поверю. Вы знаете, о чем говорите.

И хотя это прозвучало как комплимент, я что-то в нем засомневался, а когда дошло, как до жирафа, что она имеет в виду, реагировать уже как-то поздно, иначе заслужишь репутацию мудреца, что задним умом крепок.

– Это дар, – договорил я запоздало, – из более... прекрасных сфер.

Она покосилась на мое лицо, в ее глазах странное выражение, где и насмешка, и превосходство, и даже сочувствие, но когда осторожно пригубила вино, на щеках проступил некий румянец.

– Рад, – сказал я с сарказмом, – что вам хоть что-то понравилось.

Она грациозно вскинула брови (зараза, у нее даже это получается грациозно), большие серьезные глазищи оглядели меня с высокомерным изумлением.

– Почему же, – произнесла она неспешно, – мне многое понравилось...

– Например? – спросил я и приготовился услышать хоть что-то приятное.

– Вы прекрасно украсили дворец, – сказала она. – Всю роскошь, что собирали король Леопольд и его предки, выставили наружу и, конечно, на разграбление. Сразу чувствуется, вы сами понимаете, что скоро придется удирать, поджав хвосты. Золото, конечно, постарается забрать, но громоздкую мебель, огромные ковры, статуи, столы из янтаря, колонны из редчайшего мрамора или драгоценного малахита... увы, придется бросить.

Я спросил с любопытством:

– Что, в самом деле можно так подумать?

Она посмотрела с пренебрежением.

– А разве не так?

Я взглядом позвал Норберта, он торопливо поднялся и, обогнув стол, подошел ко мне.

– Ваше высочество?

Я кивнул в сторону Аскланделлы.

– Ее высочество обеспокоена реакцией туземного населения на подобную щедрость. Здесь все скупые и жадные, потому сочтут, что мы собираемся отступить, забрав все ценное, а громоздкое оставить...

Он бросил беглый взгляд на сразу застывшее лицо принцессы, перевел его на пирующих, снова посмотрел на императорскую дочь, на этот раз уже с огромным уважением.

– Сэр, – сказал он с чувством, – ее высочество абсолютно правы. Позвольте немедленно принять меры, пока слухи еще не покинули пределы дворца?

– Действуйте, – сказал я. – Если нужно... то и жестко.

Он поклонился и немедленно исчез, а я повернулся к Аскланделле.

– Спасибо за сотрудничество, ваше высочество.

Она надменно искривила губы.

– Что вы себе такое надумали? Я с вами не сотрудничаю! Вы наглые и грубые враги, подлые захватчики чужих земель!

– Ну да, – согласился я мирно, чувствуя сладость победы, – конечно же, чужие земли может захватывать только Мунтвиг. Да еще, видимо, император Вильгельм.

Она снова вскинула брови.

– Император?.. Император никогда не захватывал чужие земли!

– Почему? – полюбопытствовал я.

– У него их достаточно, – отрезала она.

– Тогда терял? – поинтересовался я. – Мир такой... кто не приобретает, тот теряет.

Она произнесла с поистине императорской небрежностью:

– Он не терял.

– Разве император Вильгельм правит всего неделю? – спросил я. – Как-то мне пришлось слышать о нем... уже давно.

Она посмотрела искоса.

– Не пытайтесь что-то выведать, принц.

Глава 4

Удалой пир я покинул почти в полночь, но едва вышел из здания, во дворе наткнулся на группу всадников в легких и тяжелых доспехах. Вперед выехал Зигфрид и сказал непререкаемым голосом, словно он здесь король, а я вообще неизвестно кто:

– Ваше высочество, отряд сопровождения собран!

Я с тоской оглядел рыцарей; Зигфрид собрал лучших из лучших рыцарей, сотню лучников и двадцать арбалетчиков, а также с полсотни лордов, что считают своим долгом сопровождать сюзерена, куда бы того ни понесло.

– И охота вам ночью, – пробурчал я, а они ответили нестройным хором, что да, охота, еще как охота, они счастливы, с готовностью послужат и отдадут жизни...

От них распространялось мощное облако винных паров, я чуточку успокоился, все-таки не совсем лишил пира, все напротив: и погуляли, и приключение какое-то среди ночи...

Над головой угольно-черное звездное небо, с утра будет морозец, копыта звучно стучат по мерзлой земле, за спиной встревоженно фыркают кони, ночная скачка в темноте дневным животным никак не нравится.

Болото я узнал по тому, что там нет деревьев, а когда подъехали ближе, увидел, как из грязно-желтого льда торчат промерзлые стебли болотных растений.

– Подождите здесь, – велел я.

Палант, возглавивший отряд сопровождения, горячо запротестовал:

– Ваше высочество, мы не можем позволить вам подвергать жизнь опасности...

Граф Андреас Райсборн, один из молодых и амбициозных героев, уточнил учтиво, но твердо:

– В одиночку.

– Да, – подтвердил Палант поспешно, – в одиночку! Позор будет преследовать нас всю жизнь.

– Палант, – сказал я, – про твои сапоги я помню, но, поверь, у меня там личная встреча. Интимная, можно сказать. Потому присутствие даже лучших друзей нежелательно.

Его глаза округлились.

– Ваше высочество... с дамой?

– Да, – ответил я, – с местной. Да воззавидует сэр Растер!

Граф Райсборн только вертел головой, не понимая намеки ни про сапоги Паланта, ни насчет славы Растера, остальные рыцари благоразумно помалкивали.

Арбогастр двинулся по льду, а когда тот тут же проломился под нашим совместным весом, сделал рывок и понесся стрелой, оставляя за собой только хруст и треск.

Из болота часто торчат заросшие травой кочки с промерзшим мхом, кое-где даже выступают, как спины доисторических животных, островки земли, там иначе хрустит под копытами, промерзлая корочка ломается со смачным хрустом, будто прожаренные ломтики хлеба, но холодный воздух дует в лицо, взметывает мелкие колючие снежинки, я чувствую, как иногда бьют в лицо... но так, не слишком; доспех Нимврода дает ощутить, что это снежинки, но защищает даже от их крошечных укулов.

Слева, где гладь грязно-желтого льда, донесся сильный треск, я тут же придержал Зайчика. Под нами качнуло, а в том месте, где трещало, взметнулись жаркие струи воздуха, превращая лед в пар.

Обнажилась широкая впадина с сухой землей, что пошла неприятными трещинами. Со злобным шипением в небо ударил широкий столб багрового пламени. В нем проступила массивная фигура красного гиганта с чудовищно переразвитой мускулатурой и короткими, но массивными рогами по краям головы.

Адский жар превратил воду в пар и выжег болото на десятки ярдов вокруг, но даже, стоя во впадине, красный гигант все равно выше меня, хотя я сижу в седле и на арбогастре.

Багровое пламя исчезло, чудовищный гигант стал зримее и опаснее. Я чувствовал, что такому раздавить меня, что мне муху, и хотя вижу рога, но это все равно хищник с низким лбом и жутко огромной нижней челюстью.

Лик его ужасен, все пороки, какие только можно вообразить, отпечатались на его лице, и, похоже, он этим гордится.

Я сидел не двигаясь, а он как с момента появления в столбе багрового огня вперил в меня ненавидящий взгляд, так и не отводил его, но молчал, не двигался. Я запоздало вспомнил, что это только в рассказах дураков и невежд Сатана, дьявол или простые вампиры могут явиться к человеку незваными и даже войти к нему в дом, на самом деле они даже заговорить не могут первыми, за исключением тех, с кем уже установились какие-то дружеские или приятельские отношения.

– Сэр, – проговорил я, чувствуя, как отчаянно бьется сердце, – меня зовут Ричардом. Я пришел, как понимаю, по вашей просьбе. Надеюсь, вы не предложите мне ничего недостойного, иначе разговор будет тут же окончен.

Гигант тут же ожил, наклонил голову, словно старался рассмотреть такое ничтожное создание получше, а под нависающими костяными утесами толстых надбровных дуг вспыхнули багровые глаза.

– Я Вельзевул, – прогрехотал он таким голосом, что я сразу подумал и о грозовых тучах, и о подземных толчках. – Я... говорить...

Я ответил осторожно:

– Говорите, я как бы слушать.

– Сорок лет назад, – сказал он грохочуще, – я заключил сделку с одним из достаточно известных рыцарей.

– На душу? – спросил я с пониманием.

Он чуть наклонил голову, мне показалось, что это стоит ему такого же усилия, как мне согнуть столетний дуб.

– А что у человека есть еще, кроме души?

– Резонно, – пробормотал я.

– Тогда вы понимаете...

– А в чем проблема? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и не выказал мой страх.

Он ответил тем же грозным голосом, в котором прозвучала с трудом сдерживаемая безумная ярость:

– Он не выполнил условия!

– Не творил зло?

Он мощно качнул огромной башней головы из стороны в сторону.

– Зло творил. Много, что хорошо. Но когда истек срок, не явился!

Мой страх перед чудовищем быстро испарился, я аристократически поморщился.

– А разве можно и не явиться? Насколько я слышал, как только срок заканчивается, черти утаскивают такого без его согласия.

Он прорычал глухо, на этот раз глядя себе под ноги:

– Нашел лазейку в договоре.

– Тогда просто дождитесь его смерти, – посоветовал я свысока с апломбом лорда, привыкшего разрешать конфликтные ситуации простолюдинов. – А там пусть ответит и за непослушание. Договоры исполнять нужно! Тем более, если он рыцарь.

– Нельзя, – ответил он, – по договору он получил бессмертие.

Я охнул:

– Здорово! Ну, шельма... ну и молодец.

Он взглянул исподлобья, маленькие свиные глазки вспыхнули жутким багровым огнем, затем стали от ярости совсем белыми.

– Радуетесь?

– Не без этого, – ответил я скромно.

Он прорычал так же грохочуще, но я уловил нотки отчаяния и того чувства поражения, когда уже все испробовано, однако решения нет.

– Понимаю по вашей торжествующей улыбке, что, дескать, так дьяволу и надо. Кто-то сумел обмануть его – это же прекрасно!..

Я сказал с удовольствием:

– Совершенно верно. Обмануть самого дьявола – разве не подвиг, которым можно хвастаться?

Он переступил с ноги на ногу, и я насторожился, Вельзевул вовсе не прикован к месту, может в один гигантский шаг оказаться рядом и ухватить меня громадной лапой.

– Это как поглядеть, – прорычал он. – Он продолжает убивать и грабить, насиловать и бесчинствовать... разве ваша мораль это оправдывает?

– Ого, – сказал я с сарказмом, – как вижу, вы что-то знаете и о современной морали?

Он оглядел меня из-под низко нависающих скальных выступов надбровных дуг, в глазах впервые появилось нечто похожее на злую насмешку.

– А что, ад заселен одними дураками?

– Ну, – ответил я уклончиво, – там, как догадываюсь, не лучшие люди...

– Как сказать, – отрезал он. – Это в Царство Небесное идут дурачки, нищие и простак, а в аду полно мыслителей, рыцарей, королей... И священники есть... даже высокого ранга. В минуты скуки я часто развлекаюсь беседами с ними... И знаю о всех переменах. Даже о модах слышал, представьте себе.

Я тоже окинул его с головы до ног таким же критическим взглядом. Как-то не вяжется образ этого тупого мясника с словами «мода» и «мораль». Хотя, с другой стороны, за тысячи лет жизни можно чему-то и научиться, думаю. Хотя... не знаю.

Я поторопился сменить тему:

– Почему я?

Он развел громадными руками – такими можно обхватить половину болота, а когтями проткнуть и подцепить на каждый палец по матерому кабану.

– Репутация.

Я переспросил настороженно:

– Что, какая репутация? Меня знают и в аду?

Он посмотрел с сомнением.

– Там говорят, что вы хитры, изворотливы, не слишком разборчивы в средствах... Это верно?

– Кто говорит?

– Те, – ответил он, – кого вы к нам отправили.

И хотя дрожь то и дело пронизывает меня с головы до ног, все же я ответил почти бодро:

– Гнусная клевета! И вообще... значит, я убивал не таких уж невинных овечек!

Он буркнул:

– Насчет овечек не знаю, те идут в другое место, куда нам вход закрыт. Так что, возможно, овечек вы убили даже больше. Но мы обращаемся к вам потому, что барон Вимборн, так зовут этого мерзавца, тоже хитер и весьма изворотлив. Он не посещает те места, где мы в силах появиться, но вы можете.

Я поинтересовался:

– Не скажу, что меня ваше предложение заинтересовало. А еще интересно: как же его убить, если он бессмертен?

Он прорычал нечто настолько лютное, что земля вокруг него вспыхнула белым пламенем, но тут же погасла, оставив широкое кольцо расплавленной магмы.

Арбогастр беспокойно переступил ногами, фыркнул, но не попятился.

Я переспросил:

– Так как?

Он смотрел бешеными глазами.

– Как убить?.. Не знаю. И никто в аду не знает!.. Но его убить нужно.

– Почему?.. Он делает то, что вы одобряете.

Он прорычал:

– Да, но... то, что грабит и убивает, – прекрасно, мы бы так его и оставили, но он обманул...

– Обидно?

– Обидно ли? – повторил он с ревом. – Это оскорбление! Потому он должен попасть в ад, где и заплатит за все самую страшную цену!

– Так верните, – ответил я безмятежно.

Он развел руками, которые я все равно называю лапами.

– Очень не хочется признаваться, сэр Ричард, но мои руки связаны договором. А вот ваши совсем не связаны.

Я поморщился.

– С какой стати я стану делать вашу ищейно-хвотальную работу? Да чтоб я стал помогать аду... да никогда в жизни!

Он тяжело вздохнул, стена прозрачного пламени колыхнулась, и лед с той стороны растаял еще на несколько ярдов, даже превратился в пар. Запах серы стал сильнее и заметно щеко-тал ноздри.

– Значит, – прорычал он с гневом, – барон Вимборн будет убивать и грабить, упиваясь безнаказанностью. Особенно он любит сдирать кожу живьем с молодых женщин...

– Женщин? – переспросил я невольно. – Молодых? Мужчин, да еще сакрантцев, еще можно, но женщин... мерзавец! Женщины все наши. Это посягивание на права! Наши законные права.

Он спросил хмуро:

– Тогда, может быть... хотя бы за женщин?

Я ответил почти тем же злобным рычанием:

– Сэр Вельзевул, это нечестный прием!

– Да, – согласился он, – но хорош?..

– Низвержение в ад сделало вас политиком?

Он рыкнул:

– А что сделало им вас?

– Тоже ад, – огрызнулся я. – Думаете, у нас намного лучше?.. Что ж, все в этом мире делается для этих дур, да, думаю, в аду тоже... Но вы мне так ничем и не поможете?

Он развел руками.

– Если совсем уж правду... то в этом случае помог бы. Да только нечем. Барон Вимборн для нас оказался недосыгаемым.

Я пробормотал:

– Хорошо, подумаю. Но ничего не обещаю!.. Где его земли?

– Далековато, – ответил он, – но не для вашего коня. Да-да, я знаю. Не больше двухсот миль. Даже меньше.

– В какую сторону?

– На запад, – сказал он. – Там справа будет такая горная цепь, не очень и высокая, но гребень похож на скелет допотопного зверя... Его ни с чем не спутать. Замок барона как раз напротив второго шипа, считая с запада.

– Ничего не обещаю, – предупредил я.

Он выпрямился, будто на плечи давила вся земная твердь, а теперь снова на месте, проговорил так же грохочуще, но уже без обреченности в голосе:

– Хорошо. Это уже что-то...

Ноги его начали погружаться в кипящую магму. Я ожидал, что так пойдет и дальше, пока властелин ада не скроется целиком, но вокруг него коротко вспыхнуло яростное пламя, он исчез разом, будто никогда здесь и не было, только остался быстро исчезающий аромат серы.

Во впадину хлынули желтые смрадные воды болота. Арбогастр брезгливо фыркнул, попятился. Копыта его начали погружаться в грязь, он отступил еще, оглянулся на меня.

Я зябко передернул плечами и сказал хриплым голосом:

– Возвращаемся.

Глава 5

Меня встретили встревоженными, но понимающими взглядами. Похоже, за время моего отсутствия Палант успел рассказать о Растере и его особой репутации, потому на меня и смотрели несколько странно, хотя и восторженно.

Палант воскликнул с восторгом:

– А какой там столб света ударил, ваше высочество!.. Самого неба достиг, точно!..

– А в конце, – мечтательно сказал граф Райсборн, – вообще взрыв адского пламени, словно проснулся вулкан, ваше высочество!.. Это весьма, это запоминательно...

Я чувствовал с досадой, что обо мне могут пойти слухи еще более причудливые, чем о Растере, тем более что никто ничего не видел, придумывать можно все.

– Возвращаемся, – велел я коротко. – Благодарю за службу, друзья! Всегда приятно возвращаться в той же теплой компании.

Все мгновенно взвеселились, короткая прогулка по морозному воздуху чуточку выветрила хмель, но только чуточку, а дикарское веселье продолжает бушевать и требовать выхода.

Палант спросил бодро:

– Продолжим пир?

– Конечно, – ответил я, – а как же!.. Вся наша жизнь либо пир, либо ожидание пира.

Они с грохотом пронеслись к воротам, там нас осмотрели сверху внимательно, как стражи, так и священники с алхимиками, вдруг да нечто под личинами, ворота распахнулись, и мы победно ворвались в город.

Я продолжал думать о странной просьбе Вельзевула. Первой мыслью было, конечно же, отбросить это дикое предложение и вообще забыть об этой встрече, хотя теперь ничего не забываю, или просто не вспоминать, других дел хватает.

С другой стороны, если уж совсем честно, даже самые демократические страны вынуждены сотрудничать с самыми жестокими и бесчеловечными режимами. Не только тайно, но даже явно. Все-таки живем на одной планете и бывают проблемы, что затрагивают всех, будь то природные катастрофы или спасение утопающих.

А появление барона Вимборна можно рассматривать как природную катастрофу местного масштаба, которая вредит всем.

Счастливые странным приключением на зимнем болоте, рыцари отправились пировать с новыми силами, аппетит за время прогулки нагуляли отменный, я сказал, что приду, возможно, попозже.

По дороге к королевским покоям меня перехватил Альбрехт, всмотрелся очень внимательно:

– Все в порядке, ваше высочество?

– Нет, – огрызнулся я, – но что это меняет?..

– Да я просто спросил, – пояснил он, защищаясь. – Вежливый я. А так мне все равно, что там у вас в порядке, а что нет.

– Порядок, – сказал я зло, – будет только в Царстве Небесном. Да и то... пока нас там нет. А у вас?

– А у меня порядок, – заявил он с апломбом. – Только не везде, не во всем и не всегда, а так вообще-то жить можно. Ваше высочество, хотел бы уточнить ряд вопросов...

– Понятно, – определил я, – работать не хочется.

– Как не хочется, – воскликнул он, – весь горю от некой странной жажды, как бы поработать еще где! Вот у меня сейчас к вам только те вопросы, которые не в моей юрисдикции. Например, что с теми тремя принцессами, дочерьми короля Леопольда? Будем ли устанавливать какие-то отношения с императором Вильгельмом? Каков статус конкубины?

Я посмотрел на него исподлобья и с подозрением.

– Пойдемте в кабинет, граф. Не хочу задавать вам трепку при всех.

Он вздохнул и с самым сокрушенным видом развел руками, а я по дороге в покои короля вспомнил, что за суматохой текучки все никак не могу выбрать времени повидаться снова с дочерьми короля Леопольда, только и распорядился держать их взаперти в собственных покоях, кормить и не обижать, что значит оставить в покое до моих новых распоряжений.

В кабинете Альбрехт опустил в кресло, едва я указал взглядом, чтобы без всяких шуточек насчет моего величества, и устремил на меня вопрошающий взгляд.

– Трепку? – спросил он.

– Ну да, – отрезал я. – Что-то у вас все непонятки... женские. С женщинами связанные.

– Император не женщина, – напомнил он.

– Но устанавливать связи, – сказал я едко, – возжелали из-за Аскланделлы? До этого и мыслей таких не было?..

– Это высокая дипломатия, – возразил он. – Нам в загребущие попала драгоценность, почему не использовать?

– Какие-то странные у вас желания, – сказал я с холодком. – Пусть эту драгоценность использует ее муж.

– Я говорил о ситуации, – вставил он быстро. – Ее использовать!

– Рано, – отрезал я. – Не до Вильгельма пока. Надо разобраться с тем, что прямо шас сыплется на голову.

– Гм, – произнес он, – а что с конкубиной?

Я посмотрел с понятным неудовольствием, но не ответишь же, что не его собачье дело, у правителя даже личные дела не личные, если затрагивают интересы общества герцогов и графов, а также части баронов.

– А что вам непонятно?

– Ну... в первую очередь, – пояснил он смиренно, – как относиться нам. Ваши мотивы понять даже не стараемся, ваше высочество...

Я ощутил в его словах нечто большее, чем шуточку. Приближенные всегда должны понимать своего сюзерена или считать, что понимают, иначе наметится опасная трещина, что имеет тенденцию расширяться.

– Это конкубина Леопольда, – напомнил я. – Мы все сейчас стараемся создать у местного населения какое впечатление? Правильно, изменился только правитель, а так все идет по-прежнему.

Он сказал с сомнением:

– Значит, когда наши священники заставляют всех креститься слева направо и посылают на костер тех, кто упорно крестится справа налево... это они поддерживают прежний стиль жизни?

Я поморщился, быстро зыркнул по сторонам, словно мы еще в людном зале, и сказал тихо:

– Вам, граф, и только вам скажу по большому секрету: мне абсолютно неважно, с какого плеча начинают налагать крест, как и то, тремя пальцами или двумя... да-да, есть и такие христиане!.. Но церковь столь могучая сила, что она должна идти с нами, а не против нас.

Он посмотрел странно:

– А не мы с церковью?

– Граф, – сказал я осторожно, даже с Альбрехтом нельзя позволить себе полную откровенность, – церковь занимается душой человека, а мы живем в телесном мире, не так ли?

– Так, – согласился он. – Это я к тому, что здесь тоже церковь.

Я вздохнул.

– Да. Но это неправильная церковь. Чем? Да тем, что апостольская слабее по своей сути. Не просто слабее, а намного, очень намного!.. Народ ее не уважает, над попами смеется... Вот вам старый анекдот. Один сакрантец зовет другого: «Эй, пойдем в церковь!» Тот отвечает: «Не пойду, после дождя такая лужа прямо перед домом, не выйти...» А тот снова: «Тогда пойдем в кабак!...» А второй: «Ну-у, разве что по самому краешку...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.